

Пискунова С. А. Рыцарский роман в культуре испанского Возрождения: [Электронный ресурс]. – URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/piskunova-rycarskij-roman.htm> – Дата обращения: 20.02.2018.

Повесть о Бове-королевиче. «Изборник»: Сборник произведений литературы древней Руси. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 15 / М.: Художественная литература, 1969. — 800 с.

Повесть о Василии Златовласом. Библиотека литературы Древней Руси. Том 15. XVII век / СПб: Наука, 2006. – 530 с.

Потапова Е. В., Екатеринбург
(науч. рук. – Соболева Л. С.)

Изображение эротико-любовных отношений в «Троянских сказаниях»

Potapova E. V.

The image of the erotic-love relationships in "TheTrojanTales"

Статья знакомит с исследованием в области переводных повестей древнерусской литературы. В качестве объекта дальнейшего изучения выступают «Троянские сказания» – перевод латинского романа Гвидо де Колумна. Особое внимание акцетировано на изображении различных любовных коллизий героев троянского эпоса с точки зрения переводчика Древней Руси. Произведен сравнительный анализ «Троянских сказаний» с гомеровским эпосом, а также с классическими произведениями древнерусской книжности.

Ключевые слова: Гомер, перевод, Гвидо де Колумна, Троянская история, любовь.

The article acquaints with a research in the sphere of translated stories of old russian literature. Subject of further studying is "The Trojan legends" – the translation of the Latin novel written by Gvido de Coloumn. Special attention is focused on the image of various love collisions of heroes of the trojan epos from the point of view of the translator of Ancient Russia. The comparative analysis of "The Trojan legends" with homeric epos, classic works of old russian literature in which the love relationships are not lighted and eclipsed by Christian canons is done.

Keywords: Homer, translation, Gvido de Coloumn, The Trojan story, love.

Гомеровский эпос всегда интересовал и увлекал человека, желающего не только получить эстетическое удовольствие от прочтения, но и узнать о событиях прошлого, что называется, «из первых уст». Интерес к Троянской войны характерен и Древней Руси, в которой воплощение знаменитого античного сюжета реализовалось в переводном памятнике древнерусской литературы–«Троянских сказаниях». Сказания разделены на три произведения, основное из которых – «Троянская история». Источником его является

латинский роман Гвидо де Колумна «*Historiade destructionis Troiae*», написанный в XIII веке.

«Троянские сказания» – не просто три литературных памятника, сложенные на сюжеты троянского эпоса, которые обстоятельно излагают различные эпизоды античной истории. Это собрание переводных произведений, в которых совершена попытка открытого изображения различных любовных коллизий и бурных страстей без характерного осуждения христианскими моралистами. Этот феномен древнерусской литературы, позволяет проследить воплощение эротико-любовных отношений людей с точки зрения именно человека Древней Руси, с учетом его мировосприятия, мироощущения и сознания в целом, его представления о сущности любви, ее физических и вербальных проявлениях. Основой данного исследования стали работы известного филолога-медиевиста О.В.Творогова, точка зрения которого проявляется в следующем высказывании: «Существование на Руси в XVI в. полного перевода западноевропейского рыцарского романа, в котором значительное место занимает столь не обычная для древнерусской литературы того времени тема любви, романа, знакомящего древнерусского читателя с обширным кругом преданий и мифов – интереснейший факт истории русской культуры» [Творогов 2003: URL].

На основании изученных текстов и научной литературы можно предположить, что «Троянские сказания» некая «пробная попытка» создания отдельного вида лексики для изображения любовного чувства. Переводчик латинского романа стремился передать любовный сюжет как можно более понятно и в то же время выразительно, поэтому выявление специфических особенностей «Сказаний» является возможностью более подробного изучения сексуальной культуры Древней Руси в целом.

Особое место в «Истории разрушения Трои» у Гвидо занимает изображение любви колхидской царевны Медеи к аргонавту Ясону. Уже в названии третьей главы, в которой происходит их первая встреча, заложена мысль именно о пленении Медеи «чарами» Ясона: «О Медии, како любовию

язоновою пленися» [ТС: 16]. Можно предположить, что в данном случае переводчик использовал для выражения чувств героев слова из военной лексики, отождествляя любовь с пленом и войной. Опять же мы встречаем некое отождествление с пленом, и, соответственно, военными действиями, когда видим описание метания Медеи от внезапно вспыхнувшей любви: «от зачатого любве пламени утружена и теснотою мною мучашеся» [ТС: 16]. Таким образом, это могло послужить формированию различных ассоциаций и устоявшихся выражений, как, например, пословицы, широко бытующей в современном мире: «в любви, как и на войне, все средства хороши». Говоря о средствах в данном контексте, мы сразу же можем вспомнить подвиги Медеи для спасения возлюбленного, такие как, например, дарение Ясону мази, защищающей его от всякого пламени.

Когда Медея садится на пиру между своим отцом и предводителем аргонавтов, в ее душе вспыхивает огонь страсти к Ясону: девушка не может совладать с собою и отвести от героя восхищенного взора. Переводчик отождествляет образ Ясона со сладким медом и вином, также употребляя такую фразу: «И абие в похотение его разгоресея», которую можно перевести как «влюбилась в него», а само слово «похоть», как известно, при трактовке его на современный лад обозначает необузданную, незаконную страсть и желание.

Колхидская царица готова покинуть родной дом ради Ясона, она готова ради аргонавта на все. Переводчик не скупится на яркие выражения, описывая первую совместную ночь влюбленных: место соединения влюбленных он называет «чертогом», упоминает о том, когда они «сложили ризы», невинность Медеи именуется как «девственные заклепы», которые «Язон отверзи» у девушки. Любовь царицы настолько велика, что она готова прямо заявить аргонавту о серьезности своих чувств и жертв, на которые она ради этих чувств идет: «и тебе свое тело и дух единомушно предаю» [ТС:18].

Сюжет о любви Ясона и Медеи в древнерусской литературе можно отождествить с написанной Ермолаем Еразмом в XVI веке «Повестью о Петре и Февронии Муромских». Мудрая, волевая и одаренная дочь крестьянина

«древотлаца» Феврония с помощью хлебной закваски спасла своего возлюбленного Петра от убивающих язв, появившихся после победы над Змеем-оборотнем. Так и Медея дарит Ясону целебную мазь, которая являлась верным средством против всякого пламени. Тождество образов Ясона и Петра проявляется в том, что последний весьма пренебрежительно отнесся к мудрой девушке из-за ее социального положения. Как Февронию в произведении охватила «прелестная мужеская лъжа!» [Ермолай Еразм: URL], так и Медея была обманута любимым. Обе героини становятся жертвами мужчин, однако именно Феврония побеждает все невзгоды своей мудростью и сохраняет супружеское единство. Но повесть, в отличие от «Троянской истории», сохраняет типичные моральные христианские каноны: в произведении не изображаются какие-либо физические проявления любви Петра и Февронии, о существовании у них детей ничего не говорится. Феврония сохраняет образ «мудрой правительницы». Показательным выражением общей христианской морали является и то, что люди похоронили супругов отдельно, несмотря на их волю быть похороненными в одном гробу с перегородкой.

Соотнося роман Гвидо с гомеровским эпосом, можно столкнуться с различными временными и пространственными несоответствиями. Данный вопрос частично освящается в монографии известного исследователя и этнографа А.Н. Пыпина: «Как вообще в средние века пренебрегали Гомером, едва зная его по имени, так и Гвидо объясняет в предисловии, что не пользовался Гомером, который хотя и славился в свое время у Греков, но скрыл настоящую истину события, выдумывая чего не было и передавая иначе то, что было <...>. Чтобы избежать неправдоподобности и представить рассказ о войне без ложных прибавлений, – Гвидо обратился к Дарету и Диктису, как очевидцам и несомненным историкам Троянской осады» [Пыпин 1857:57]. Интересен тот факт, что в самом романе Гвидо, и, соответственно, в его переводной версии есть место широким и красочным сравнениям, которые, безусловно, были присущи и гомеровскому эпосу. Эта сторона также освящается А. Н. Пыпиным: «Гвидо меньше других увлекался желанием

изукрасить описываемые события, тем не менее, у него Троянская война получила колорит романтический» [Пыпин 1857: 57].

Сама фигура Елены показательна и в «Троянских сказаниях», не менее значительную роль в развитии сюжета играют ее отношения с сыном троянской четы Приама и Гекубы – Парисом. Здесь уместно обратить внимание на характеристику образа Елены, в первоисточнике: «Истинно, вечным богиням она красотой подобна!» [Гомер 1967: 65]. Образ Елены в «Троянских сказаниях» – знак новаторства произведения, так как она является героиней, полностью несоответствующей христианской морали. В «Божественной комедии» Данте Алигьери Елена находится во втором круге ада за сладострастие как «тягостных времен виновница» [Данте 1994: 27]. В «Троянской истории», описывая первую встречу героев в храме Афродиты, автор красочно изображает внезапно вспыхнувшие чувства Александра по отношению к Елене: как только он увидел ее, он сразу же воспылал пламенной страстью: «огнем возжегся яростным во храме Афродита, и на любимую жену вонзи зрак» [ТС:30]. В этом эпизоде большое внимание уделяется внешности прекрасной женщины: для Париса ее лицо белоснежно, «снеговидно», пряди волос у нее «златы», а брови «яко рукою по образу кругло сотворены», а очи Елены словно сотворены по образу «двояких звезд» [ТС: 30].

В результате анализа двух сюжетных линий было замечено, что эпитет «сладкий» встречается при описании обеих любовных коллизий: Медея обращается «сладкими взирании» к Ясону при первой встрече, сам «зрак» Ясона также именуется «сладким», а Елена после недолгой встречи провожает Александра «сладкими зрении». Переводчик в первую очередь отождествляет взгляды персонажей с материальными проявлениями вкусовых качеств различных яств, таких как, например, вино и мед. В «Повести о создании и поплении Тройском» в одной из глав также получает свое развитие тема любви Елены и Александра. Когда они пировали с Менелаем и пили красное вино, Парис писал на полотенце тем самым вином царице Елене послания: когда «умываху руце и убрусом отираху, Александр писаше на убрусе

червлённым вином к Елене сице: «Царица Елени, люби мя, якоже и аз тебе»[ТС: 8]. Этот эпизод может служить очередным примером изображения чувств, возникающих мгновенно, при первой встрече, и этим во многом и может быть обусловлено само художественное своеобразие «Троянской истории» Гвидо и, соответственно, переводной версии.

Продолжая концепцию о заимствованиях слов из военной лексики для изображения любовных чувств, можно обратиться к третьей любовной сюжетной линии «Троянских сказаний» – истории отношений Ахиллеса и Поликлены. Внезапно вспыхнувшее чувство по отношению к девушке сравнивается переводчиком с поразившей героя стрелой: «и стрела похоти Аххиллеса скоро уязви» [ТС: 54]. Как и при описании встречи Медеи и Ясона, уже в названии главы указывается на то, что Ахиллес «пленен бысть зело любовию Поликлены» [ТС: 54].

Развивая концепцию о том, что «Троянские сказания» являлись первоисточником лексики любовного содержания, можно сделать вывод, что переводчик, ориентируясь на латинский роман Гвидо де Колумна, не был чужд нарушениям жанровых, моральных и религиозных канонов древнерусской литературы не только с целью более достоверного изображения любовного чувства, но и развития и расширения сознания человека Древней Руси. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сравнения, использованные переводчиком, заложили некий фундамент в развитии лексикологического богатства и культуры древнерусской литературы.

Литература

Гомер Илиада. Одиссея. Издательство «Художественная литература», М., 1967.

Данте Алигьери Божественная комедия/Перевод с ит. М. Лозинского. – Пермь: Пермская книга, – 1994. – 479 с.

Ермолай Еразм Повесть о Петре и Февронии Муромских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9, конец XV – первая половина XVI века / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2000. – 567 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5116>

Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.

Творогов О. В. Троянская история Гвидо де Колумна / Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1989. – 528 с; [Электронный ресурс] URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4667>

Из «Троянской истории» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8, XIV – первая половина XVI века / РАН, Ин-т рус.лит. (Пушкинский Дом) ; [под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко]. – СПб.: Наука, 2003. – 582 с. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5128>

Троянские сказания. Серия «Литературные памятники»/Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI-XVII веков /Наука. Ленинградское отделение, Л., – 1972. – 232 с.

Нестерова А. В., Екатеринбург
(науч. рук. – Соболева Л. С.)

Дословное и скрытое цитирование как риторический прием в сборнике XVII века «Статир»

Nesterova A. V.

Literal and latent citation as a rhetorical device in the XVII century collection “Statir”

В статье рассматривается роль цитирования библейских текстов в рукописном сборнике проповедей XVII века «Статир». Анализируются отдельные случаи дословного и скрытого цитирования во взаимодействии с различными средствами художественной выразительности, что позволяет выйти на новый уровень понимания авторского текста и обнаружить неочевидные смыслы.

Ключевые слова: «Статир», письменность XVII века, библейские тексты, цитирование, отсылки.

The article examines the role of biblical quotes in the 17th century manuscript collection “Statir”. The separate cases of literal and latent citation are analyzed in connection with different means of artistic expressiveness, which allows us to take a step forward to understanding the author’s text and revealing hidden meanings.

Keywords: “Statir”, 17th century writing, biblical texts, citation, references.

«Статир»¹ – сборник авторских проповедей, написанных неизвестным автором в Строгановской вотчине во второй половине XVII века. Он

¹ РГБ. Собр. Румянцеве № 411. Сборник слов и поучений «Статир». 1683-1684 гг. 815 лл.. 4° (30 x 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: